

Абдулманова Н.

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ МУСЫ ДЖАРУЛЛАХА БИГИЕВА

Известно, что татарская общественная мысль начала XX века во всей совокупности проблематики различных течений и направлений имела общую нацеленность на формирование национальной идеологии и определение национального самосознания. Этот период ознаменовался выходом на общественную арену новых сил, качественным изменением общественного сознания: на базе религиозного реформаторства, просветительства и либеральных идей формировались основные направления общественной мысли, которые образовали теоретическую основу последовавшего мощного подъема национального движения среди татар по пути прогресса и стремления стать активными творцами своей истории. Именно в этот период были серьезно поколеблены основы традиционного мировоззрения, заложены основы секуляризации теоретической мысли. Данные тенденции особенно отчетливо проявились после революции 1905 – 1907 годов, когда широкое распространение получили периодические издания, светское образование, пробудился интерес к европейским достижениям в области науки и техники, появилась возможность создания политических партий и объединений, относительно свободного выражения своих мировоззренческих ориентиров (3; с. 65).

В этот период Муса Бигиев не стоит в стороне от этих процессов и активно включается в общественно-политическую жизнь, избрав для места проживания Санкт-Петербург, бывший в то время одним из главных центров духовной и культурной жизни мусульман России. Российские мусульмане возлагали большие надежды на революцию, и Муса Бигиев стал одним из лидеров духовного возрождения мусульман столицы, наряду с общественными и религиозными деятелями А. Ибрагимовым и А. Баязитовым. Это был период либерализации всех сторон духовной жизни российского общества. Открылась возможность для создания газет и журналов, и Муса Бигиев вместе с известным общественно-религиозным деятелем и публицистом Абдрашидом Ибрагимовым основал и издавал в течение трех лет газету «Ульфет» («Согласие») и газету «Тилмиз» («Последователь»). В этих газетах он публиковал многочисленные статьи на общеполитические темы, о мусульманской морали, воспитании и т. д. (5; с. 119).

Тем самым Муса Бигиев претворял в общественное сознание джадидистское (новометодное) образование – компоненту своего религиозно-философского мировоззрения. Как нам кажется, Муса Бигиев определял понятие джадидизм как стремление к будущему мусульманского социума, которое было бы не только лучше его современного состояния, но и намного лучше любого ушедшего в прошлое.

В этой связи Муса Бигиев считал разум двигателем человеческой цивилизации, кроме того, он упорно пропагандировал необходимость усвоения мусульманами современных наук, только разум, как он полагал, является одним из критериев познания истины, развивающий человеческую цивилизацию на протяжении всей ее истории.

Муса Бигиев считал, что разум является не только инструментом научного познания окружающего мира с целью движения человечества по пути материального прогресса. Прежде всего, разум – это средство гармоничного уравнивания указаний богооткровенной истины и явлений реального человеческого бытия, посредством чего гарантируется безошибочное поступательное движение человечества к своему конечному предназначению (4; с. 99).

При знакомстве с наследием Мусы Бигиева выясняется, что для него не существовало в мире ничего более авторитетного, чем исламское учение, проистекающее из таких первооснов, как Коран, Сунна пророка, и их практическое воплощение – исламский шариат. Заявляя о своей глубокой вере в истинность ислама, Муса Бигиев утверждал наличие в нем выдающегося духовного потенциала, способного стать двигателем позитивного преобразования реалий личной, семейной и общественной жизни. По этой при-

чине Муса Бигиев оставался верным исламу и искал решения насущных проблем современности в рамках этого учения, не поддаваясь влиянию ни внешних, ни внутренних националистических или нигилистических доктрин социального развития (4; с. 95 – 96).

Показательным примером иджтихада и конкретного правового решения, которое Муса Бигиев вывел на основе разработанной им самим методологии фикха, можно считать решение – фетву о посте (ураза) в условиях высоких географических широт. Данная фетва под названием «Озын көнләрдә руза» («Пост в длинные дни») была опубликована в Казани в 1911 году. Написанию этой книги предшествовала его поездка в Финляндию в июне 1910 года. Для этого ученый побывал на горе Авасакса около финского городка Рованиеми, который находится у Северного полярного круга, с целью наблюдения незаходящего Солнца. Фетва о посте представляет собой яркий пример иджтихада в области религиозного культа, предпринятого татарским богословом. Применяя разработанную методологию в принятии решения правового вопроса, используя свои глубокие богословские, географические и астрономические познания и имея личный опыт наблюдения за незаходящим Солнцем, Муса Бигиев утверждал, что пост, приходящий на дни летнего солнцестояния, необязателен для мусульман, которые проживают в северных широтах. Данное научное исследование имеет и социальное значение, так как ученый адресовал свою фетву прежде всего мусульманам, проживающим в упомянутых районах, и тем, кто « всю свою жизнь проводит в тяжких трудах ради хлеба насущного и которых пост вообще окончательно выбьет из колеи, лишив их последнего куса хлеба». Тем самым ученый преследо-

вал гуманные цели – он приблизился к пониманию права как необходимого условия достижения свободы граждан в обществе, выступил против традиционно существующего положения права в мусульманском мире как орудия политического и теократического произвола (1; с. 75 – 76).

Муса Бигиев полагал, что такие основные составляющие фикха (права), как Коран, сунна, иджма (единодушное мнение мусульманских ученых-муджтахидов) и кьяс (суждение по аналогии) должны быть переосмыслены с точки зрения их современной общественной значимости и нужд людей. Согласно его взглядам, иджма и кьяс утрачивают свою действенность и силу, ввиду оторванности от жизни общества и невозможности применения в настоящее время. Вместе с тем Муса Бигиев считал, что каждый мусульманин может выносить иджтихад, высказывать свое суждение по тому или иному общественно-правовому вопросу. Но подобные оценки действительности не должны стать непреложным законом для исполнения. Только участникам иджмы – согласного мнения общины мусульман, состоящей из компетентных теологов и ученых своего времени, должны быть предоставлены права на вынесение новых суждений обязательных для религиозной и общественной жизни мусульман (5; с. 123).

Подчеркивая негативную роль таклида (следование древним авторитетам) в истории ислама, Муса Бигиев обратил внимание на то, что в начале XX века формируется новый тип таклида: «Если традиционный таклид представлял собой жертвование шариатом путем преклонения перед священностью мазхабов (богословско-правовых школ), то современный таклид стал отказом от ислама и принесением в жертву мусульманской уммы (общины) на фоне собствен-

ного самоуничтожения, возникшего из-за очарования величием западной цивилизации, и ее политическими достижениями». Причины возникновения нового негативного явления он объясняет тем, что «были ослеплены блеском западной цивилизации, на фоне прогресса Запада наши мысли пришли в замешательство. И хотя мы не смогли последовать за Западом в том, что действительно было полезным, тем не менее мы стали подражать ему в большинстве не имеющих ценности и важности вещей. Мы не смогли перенять чего-то нового, но потеряли все то, что у нас самих было святого» (3; с. 155).

Муса Бигиев резко критиковал тюркских писателей и историков, очарованных достижениями Запада в различных областях науки, которые заявляли при этом, что ислам виноват в социальной и политической истории мусульманских народов. Муса Джаруллах выступал против того, чтобы при решении проблем мусульманского мира опираться на западно-европейскую философию и ее подходы, смотреть на проблемные стороны мусульманского мира с точки зрения западного исследователя. Он называл пустым сотрясанием воздуха попытки называть такого рода подходы религиозной реформацией. Позже он отметил, что в то время как Коран призывал нас размышлять о бескрайнем мире природы и просторах вселенной, мы, посчитав, что владеем всеми знаниями, заключили Благородный Коран в тесные рамки наших взглядов (2; с. 133 – 134).

Среди всех форм проявления таклида Муса Бигиев особо выделяет следование какой-либо богословско-правовой школе – мазхабу: «По моему мнению, учение такой священной религии, как ислам, никаким образом не может быть ограничено узкими рамками мелких мазхабов. Ограничение

ислама такими тесными границами, несомненно, является недостатком». Его не устраивала абсолютизация учения отдельного мазхаба, которая в свою очередь приводила к противостоянию представителей различных мазхабов и, в конечном счете, к расколу в мусульманской умме: «Ислам никогда не терпел убытка от разногласий. Все беды, обрушившиеся на него, происходили от призывов к объединению в рамках одного мазхаба, к единомыслию». Поэтому его критика была направлена не против самих мазхабов, тем более их основоположников, а против современной их трактовки. Возникновение мазхабов он рассматривает как естественный процесс в развитии мусульманского права (3; с. 157).

Муса Бигиев в своих религиозных воззрениях предлагал совместить знания Корана, хадисов, всего лучшего из правовых школ с современным знанием, выступая против изучения в медресе калама – спекулятивной теологии. Обучение каламу, по его мнению, было основано на комментариях и субкомментариях, а не на самих источниках (5; с. 123). Отсюда следует, что Муса Бигиев критически относился к спекулятивному богословию – каламу. Более того, он обвинял приверженцев школы калама – мутакаллимов в возникновении ряда проблем, поразивших исламский мир. Муса Бигиев связывал одну из причин отсталости мусульман в игнорировании практическими достижениями как в науке, так и в религии. Шакирды, обучающиеся по каламическим книгам в религиозных учебных заведениях – медресе, не были сведущими в современных науках, в результате чего были непригодными для жизни. Он полагал, что Коран и Сунна Пророка были повсеместно преданы забвению, а мусульмане, сформировавшиеся в темноте невежества по этим

книгам, стали подобны пленникам во вражеских руках. Ему придавало смелости то, что мутакаллимы, которые выстраивали свою систему по методу ведения диспута и бессмысленных умозаключений, плохо ориентировались в знании Корана и Сунны. По его мнению, необходимо опираться не на логические построения, предлагаемые каламическими книгами, а обоснованные доказательства, заложенные в Коране.

Муса Бигиев большое значение придавал и религиозно-философскому наследию мусульманских мыслителей-суфиев как фактору, явившемуся, по его мнению, одной из основополагающих предпосылок расцвета исламской цивилизации. Он не посвятил суфизму ни одной работы, однако его отношение к данному вопросу ясно обозначено в книге «Бөөк мәүзүгләрда уфак фикерләр» («Маленькие мысли по большим вопросам», 1914). Осознавая выдающееся социальное значение суфийской традиции в развитии мусульманского социума, Муса Бигиев считал, что суфийские ордены (тарикат), во многом продолжив традиции монашества, сослужили важную общественную службу в первые века ислама, оказав благотворное воздействие на социальную ситуацию в мусульманском мире в целом. Тогда суфийские обитатели являлись учебными центрами, религиозными организациями, служившими делу распространения ислама, стали родоначальниками мусульманской философии, воспитавшими величайших мыслителей, основоположников школ мусульманского права, хранителями наследия гениев античности. Помимо этого, мыслитель признавал выдающуюся роль монашества в деле сохранения культурной преемственности, накопления и передачи естественно-научных знаний, исторических сведений, космогонических,

медицинских, философских, правовых знаний из поколения в поколение. Кельи отшельников являлись приютами для странников, первыми больницами и судами справедливости. Называя суфизм неоценимым кладом мудрости, Муса Бигиев с горечью писал, что мусульманский мир вверг себя в отсталость во многом по причине игнорирования наставлений, содержащихся в наследии великих мыслителей-суфиев: Джунайда Багдади, Мааруфа, аль-Халладжа, Би-стами, Ибн Араби, Шамса Тебризи, Джалалетдина Руми, Джамии. Вместе с тем Муса Бигиев отмечал, что в последние века суфизм во многом выродился из-за неумеренной деятельности всякого рода шарлатанов, заботящихся лишь о своих корыстных интересах (4; с. 102 – 103).

Кроме религиозных наук, Муса Бигиев был предан математике и астрономии. Всю жизнь он питал особую любовь к этим наукам и был одним из первых, кто мечтал внести точность математических выкладок в ткань социологических исследований. По сообщению общественного и религиозного деятеля Алимджана аль-Идриси, Муса Бигиев являлся членом Российского научного астрономического общества. Он не отказывался от путешествий, которые предпринимались с целью непосредственного наблюдения за лунными и солнечными затмениями (2; с. 30).

Из воспоминаний Г.Тукая о пребывании в Петербурге можно узнать некоторые факты из жизни Мусы Бигиева. Наиболее интересны в этом отношении сведения о режиме работы татарского богослова. При изучении деятельности М. Бигиева невозможно не удивиться его работоспособности, ведь за очень короткий промежуток времени он успевал писать оригинальные трактаты, публиковаться в прессе, заниматься переводами вос-

точной поэзии, следить за событиями общественной жизни России, много ездить по стране, активно участвуя в жизни российских мусульман и исламского мира в целом. Для того, чтобы успевать делать столько дел, нужно было подчинить себя очень жесткому графику работы. Оказалось, что М. Бигиев работал именно в таком режиме: Г. Тукай вспоминал, что он даже пищу принимал, не отрываясь от письменного стола, заваленного бумагами (4; с. 26 – 27).

Муса Бигиев также оказался и талантливым педагогом, лекциями которого заслушивались учащиеся медресе. Одинаково усердно он работал и с отдельными шакирдами, обучая их различным мусульманским наукам. Так его воспитанниками являются Заки Валиди Тоган, ставший позже первым руководителем советской Башкирии, профессор Восточного факультета Ленинградского государственного университета Габдрахман Тагирджанов, преподававший арабский, персидский и турецкий языки, видный советский арабист, автор одного из базовых учебников арабского языка, нашедшего широкое применение в языковых вузах Советского Союза, Баки Закиевич Халидов (4; с. 8; 26 – 27).

Вопрос о соотношении Бога и мира в качестве основной проблемы классической философии был решен Мусой Бигиевым в свете учения о всеохватном характере божественного милосердия. Ученый придал этому вопросу ярко выраженную социальную окраску и значимость, затронув при этом целый комплекс духовно-этических проблем татарской общественной жизни начала XX в. Новаторские подходы М. Бигиева к проблеме реформирования отдельных положений мусульманского права, в частности, вопроса о посте в длинные дни, во

многим оказались принципиально отличными от сложившейся в мусульманском мире правотворческой традиции (1; с. 72).

Немаловажным моментом, связанным с провозглашением всеохватности божественной милости, является нравственно-этический аспект данной проблемы, который, в свою очередь, связан с этно-историческими особенностями. Татары в течение многих веков находились под властью России, сохраняя стремление к независимости. К этому фактору восходит желание Мусы Бигиева найти в основах исламского учения такие мотивы, которые убедили бы его современников-мусульман в возможности мирного сосуществования различных наций в границах одного государства. В своем произведении «Рәхмәт илаһийә борһанлары» он выражает это стремление: «Для того, чтобы жить в добрых отношениях с каждым представителем рода людского, следует, конечно, верить и во всеобщность божественной милости, и в то, что в день Суда все люди будут спасены» (4; с. 90).

Поставив проблему подобным образом, Муса Бигиев нанес удар по псевдорелигиозному убеждению о божьем возмездии, ожидающем в будущем неверных, и о спасении лишь мусульман. Основным массам обретшим утешение в фантазиях о своей богоизбранности, несомненно, было трудно выдержать такое нравственное испытание, что повлекло за собой шквал яростной и ожесточенной критики в адрес ученого. Тем более значима деятельность этого ученого, предложившего объективную трактовку известных религиозных истин, которая способствовала формированию нового социально активного и интегрированного в социальную сферу свободномыслящего индивида, собственными руками строящего счастливую жизнь в этом мире, вмес-

то пассивного ожидания райских благ в иной жизни (1; с. 73 – 74).

Одну из причин отсталости национальной и общественной жизни Муса Бигиев усматривал в пренебрежении духовно-культурным наследием прошлого, он утверждал, что Европа достигла своих высот благодаря прогрессу, но это удалось ей не любовными романами, а наукой и просвещением, торговлей и промышленностью (2; с. 112 – 114).

В современном контексте становления многополярного мира изучение и исследование трудов Мусы Бигиева способно разрушить предрассудки и стереотипы, определяющие отношение современного читателя к мусульманскому наследию и культуре. Наследие этого талантливого богослова и философа представляет ценность еще и потому, что он высказывал идеи, способные привести к положительному решению проблемы противостояния христианского Запада и мусульманского Востока, которое берет свое начало с эпохи крестовых походов и даже ранее (4; с. 11).

Стремясь восстановить подлинное место женщины в обществе, Муса Бигиев особое внимание уделял проблеме ее воспитания и нравственного облика. Он был уверен в том, что благополучие мусульман в духовном и материальном плане зависит от воспитанности женщины: хорошее воспитание, по его мнению, является основой человеческого достоинства и целомудрия. Отметим, что Муса Бигиев не считал себя ни реформатором, ни модернистом, ни джадидистом, напротив, он жестко критиковал их взгляды и действия, усматривал в них попытку выхолостить исламское учение в угоду требованиям Запада. Муса Бигиев ставил перед собой задачу: путем сравнительных религиозно-исторических исследований показать величие и общечеловеческую значимость учения

ислама. Известно, что попытка одной группы людей доказать другим свою правоту или превосходство, редко обходилась без конфронтации и даже кровопролития. В этом вопросе Муса Бигиев был очень тактичным и чутким: разрабатывая методику изучения истории религий, он заявил, что основополагающим принципом в этом является уважительное отношение к мировоззрению окружающих. Он утверждал, что нельзя подходить к верованиям людей как к проявлению невежества, глупости или безбожия (1; с. 15; 62; 71).

Несмотря на то, что Муса Джаруллах Бигиев не оставил после себя художественных произведений, о его таланте судят по его богословским трудам, из которых можно получить представление о высочайшем уровне его филолого-лингвистических способностей. Поэтому имя Мусы Бигиева и его наследие привлекают к себе внимание филологов, педагогов, историков, политологов, философов.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Антология татарской богословской мысли. Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. П в 2т. - Т.1 – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 336 с.**
- 2. Görmez M. Musa Carullah Bigiyef. – Ankara, 1994. – 228 s.**
- 3. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань: Фан, 2003. – 303 с.**
- 4. Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань: Фан, 2005. – 180 с.**
- 5. Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 214 с.**